

Береснева Наталья Ириковна, Кокарева Елена Андреевна

РАЗВИТИЕ ИДЕИ "СМЕРТИ АВТОРА"

В статье прослеживается эволюция идеи о "смерти автора", начиная от теории В. фон Гумбольдта. Если изначально основной оппозицией в философии была оппозиция сознания и материи (субъекта и объекта), после Гумбольдта в классическую дихотомию "мышление - реальность" был введен третий компонент - язык. Сегодня же основная оппозиция - это оппозиция автора и интерпретатора (мышления) к тексту (языку) или даже "интерпретатор - текст". Центр тяжести в философских исследованиях переносится с мира как такового на текст, который самодостаточен и наделен субстанциальностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 34-37. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, наблюдается отход от негативных коннотаций, распространенных в художественной литературе и публицистике XIX – начала XX в.

Бальная культура провинциального города, направленная на празднично-телесную самореализацию провинциальной элиты, несла в себе мотивы объединения «несоединимых» социальных слоев общества – купечества и дворянства, что являлось отклонением от норм того времени, но на периферии представлялось естественным сотрудничеством, возникшим в результате развития экономической и политической структур отдаленного края.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск: Ирк. обл. изд-во, 1947. Вып. I. 200 с.
2. Гончаров Ю. М. Очерки истории и городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.
3. Дуков Е. В. Бал в культуре России XVIII – первой половине XIX века // Развлекательная культура: очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 174-178.
4. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1998. 752 с.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Изд-е 2-е, доп. СПб.: Искусство–СПб, 2008. 413+5 с.
6. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. 672 с.
7. Новый французско-русский словарь. М., 1994. 1194 с.
8. Семина В. С., Баженова Т. П. Европейские мотивы в архитектонике праздничной и развлекательной культуры России XVIII-XIX вв. [Электронный ресурс] // Аналитика культурологи. URL: <http://www.analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=printpage&pageid=290&scope=all>
9. Шамес Л. Я. Культурное пространство Юго-Восточной Сибири (Предбайкалье): традиции и современность. СПб.: Астерион, 2006. Кн. II. Коренные жители, старожилы, переселенцы, ссыльные. Каменное и деревянное зодчество. Персонология. 446 с.
10. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.
11. Яковлева А. М., Уварова Е. Д., Тихвинская Л. И. и др. Развлекательная культура России XVIII-XIX вв.: очерки истории и теории / ред.-сост. Е. В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 527 с.

BALL CULTURE FEATURES IN PROVINCIAL TOWN

Dar'ya Vladimirovna Belyakova
Department of Culture Theory and History
Eastern-Siberian State Academy of Culture and Arts
Sophie_darie@mail.ru

The author considers the problem of provincial ball culture, by which she understands the particular semiotic space of province serving as the organizer of the ritual-festive social life of educated elite and having court dance as the principal historical code.

Key words and phrases: provincial ball culture; ball; semiotics of metropolitan and provincial space; merchant and noble class.

УДК 165:81

Философские науки

В статье прослеживается эволюция идеи о «смерти автора», начиная от теории В. фон Гумбольдта. Если изначально основной оппозицией в философии была оппозиция сознания и материи (субъекта и объекта), после Гумбольдта в классическую дихотомию «мышление – реальность» был введен третий компонент – язык. Сегодня же основная оппозиция – это оппозиция автора и интерпретатора (мышления) к тексту (языку) или даже «интерпретатор – текст». Центр тяжести в философских исследованиях переносится с мира как такового на текст, который самодостаточен и наделен субстанциальностью.

Ключевые слова и фразы: сознание; реальность; язык; текст; интертекст; письмо; коннотативный смысл; субъект; автор; скриптор; читатель (интерпретатор); смерть субъекта; смерть автора.

Наталья Ириковна Береснева, д. филос. н., доцент
Елена Андреевна Кокарева
Кафедра философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
beresnev@mail.ru; malheureu@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИДЕИ «СМЕРТИ АВТОРА»[©]

В настоящее время в философской и художественной литературе вновь стала популярной тема иллюзорности внешнего мира и замкнутости субъекта в собственном сознании. Новый субъективизм имеет ряд

отличительных черт, прежде всего то, что человеческое сознание замкнуто не в сфере ощущений, а в сфере языка (текста). На первый план в качестве демиурга внутреннего мира человека выходят знаковые системы, прежде всего – язык.

Отправной точкой этому направлению послужила теория В. фон Гумбольдта, который, оспаривая положение Г. В. Ф. Гегеля о том, что философия может быть построена как окончательно обоснованная наука о Духе как сущности мира, считал, что между субъектом и объектом, между человеком, миром и Богом есть изначальный посредник – язык. Поэтому процесс самообоснования, самопознания духа изначально развёртывается в сфере языка. Исконное пространство «философствования» – языковые конструкции, которые связывают человека с его жизнью. Мышление не может охватить «безъязыковую», чисто физическую реальность, по сути, по тем же соображениям, по которым не может познать «вещей в себе» кантовский рассудок («безъязыковая реальность» = «вещь в себе»).

Таким образом, Гумбольдт в классическую дихотомию «мышление – реальность» вводит третий компонент – язык. Если до Гумбольдта мышление познаёт реальность, мышление первично, а язык его оформляет, играет чисто инструментальную роль, то у Гумбольдта мышление и язык – взаимовлияющие. То есть простая и ясная конструкция становится более сложной. Новый вариант субъективного идеализма можно возвести к известной фразе Гумбольдта о языковом круге: «Каждый язык народа описывает вокруг народа, которому принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступишь в другой круг, т.е. изучишь другой язык, и, следовательно, усвоишь новую точку зрения в прежнем миропонимании» [4, с. 80]. Таким образом, между человеком и миром лежат языки. Язык – это тюрьма для духа, человек заперт в языке, язык закрывает выход в мир. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то человек никогда не может выйти из языковой тюрьмы.

Идея господства языковой системы над теми, кто ею пользуется, диктата ее законов и невозможности выйти из нее развивается в последующих течениях философии. Так, например, в структурной антропологии, нацеленной на предельную, тотальную объективность, на место истории, субъекта, самосознания, Леви-Строс выдвигает объективные универсалии – бессознательные структуры, язык. Такая «Бессубъектная» позиция, по мнению Леви-Строса, позволяет получить прямой доступ к реальности объективированного мышления.

По аналогии с языком, который порождает все произведения речевой активности, в концепциях структуралистов появилось представление об априорной бессознательной структуре, подобной языку, которая порождает все произведения социально-символической активности, деятельности человека (отношения родства, ритуалы, формы искусства и др.). Все продукты социокультурного творчества стали рассматриваться как знаковые конструкции – проявления своего рода языка – тексты. И первобытный ритуал, и научный трактат, и рекламный ролик – это как бы речь, которая состоит из знаков, имеющих значение. Это значение знака возникает не само по себе, а в силу того, что знак принадлежит к некоторой системе (вроде системы языка), и вне этой системы никакой культурный знак существовать не может. И через эту «речь» можно проникнуть к структуре – к «языку» – знаково-символическим системам. При этом структуры играют роль порождающих моделей, то есть бессознательных механизмов, которые определяют ход мысли исследователя. Поэтому хотя человек и строит иллюзии относительно своей свободы и суверенности, на самом деле за любым культурным феноменом лежит Структура, подобная языковой, в ней мы существуем, она организует нашу жизнь.

Проводятся попытки изучения механизмов, позволяющих структурам осуществлять влияние. Например, Р. Барт [1], обращаясь к невинному, на первый взгляд, феномену «письма», сумел разглядеть общественный подавляющий механизм, институт, обладающий серьезной принудительной силой, как и любое другое общественное установление. «Письмо» понимается как «социолект», в рамках единого национального языка и одновременно «опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых. Все продукты социально-языковой практики, все социолекты, выработанные поколениями, классами, партиями, литературными направлениями, органами прессы и т.п. за время существования общества, можно представить себе как огромный склад различных видов “письма”, откуда индивид вынужден заимствовать свой “язык”, а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности» [6, с. 17].

Принудительное действие структур объясняется в рамках коннотативной семиологии Л. Ельмслева [5], через понятие «коннотативный смысл» – дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы. Эти смыслы латентны, никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются. Не довольствуясь «мирным соседством» со знаками денотативной системы, они стремятся «подавить» их или даже полностью вытеснить. Любой язык представляет собой, таким образом, комбинацию высказанного и подразумеваемого, денотативного и коннотативного уровней. Подразумеваемое может при определенных условиях эксплицироваться, а эксплицитное может уйти в коннотативный «подтекст».

Таким образом, в науке был осуществлен переход от изучения знаковых систем, непосредственно осознаваемых и сознательно используемых людьми, к знаковым системам, которые людьми не осознаются, хотя и используются, более того, во многих случаях ими управляют.

Результатом этого изучения стало выдвижение новых философских принципов и методов: приоритет различия и множественности над тождеством; новое представление языка как особой символической автономной реальности, обладающей мощной силой структурировать и упорядочивать все окружающее; формулирование метода деконструкции (разрушение навязанных, старых смыслов, стереотипов); децентрализация и исчезновение, смерть субъекта (человека) как центра, вокруг которого строилось познание, культура, жизнь.

Субъект в понимании постструктуралистов (Фуко, Деррида, Лакан) существует в системе, пронизанной дискурсивными конструктами – самостоятельными знаковыми реальностями. Он несет в себе лишь функцию движения этих дискурсов. Субъект является множественным, многогранным, так как существует в поле множества дискурсов. Таким образом, субъект растворяется, рассеивается в знаковой реальности, теряет свою целостность, устойчивость и определенность – наступает «смерть субъекта», «смерть человека».

Тема «смерти субъекта», «смерти человека» была выражена в литературоведении в виде идеи «смерти автора».

В эссе «Смерть автора» Р. Барт [2] переосмысливает понятия, сложившиеся в Новое время? – письмо, читатель, автор и его задачи и связь с произведением. По мнению Барта, ошибочно пытаться объяснять смысл произведения через, опираясь на знания о личности, характере, биографии, социальных и политических позициях и т.д. автора. Критик и читатель должны рассматривать произведение вне его создателя, так как в произведении говорит не автор, а сам язык. С. Малларме, М. Пруст, П. Валери и некоторые сюрреалисты были первыми, кто попытался устранить власть Автора, представляли письмо как «обезличенную деятельность»: «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, где исчезает всякая самотождественность и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [Там же, с. 384].

Барт заменяет новоевропейское понятие Автора понятием Скриптор. Писатель-Скриптор не вынашивает замысел произведения до его написания, т.е. не «предшествует» книге, а, по выражению Барта, рождается одновременно с написанием текста-произведения: «всякий текст пишется здесь и сейчас» [Там же]. Весь мир, вся культура представляется как текст, гипертекст, в котором функционируют единичные тексты предшествующей и современной культур. Тексты наделены интертекстуальностью плюс способностью ссылаться друг на друга в виде различных цитат, реминисценций, ссылок и т.д. Таким образом, каждый новый текст состоит из цитат предшествующих текстов, новый текст пишется поверх старого и вплетается в общий гипертекст. Функция Писателя-Скриптора, по мнению Барта, сводится к чисто начертательной: он располагает неким «Словарем», из которого черпает (сознательно или бессознательно) цитаты, смешивает их, комбинирует и создает произведение.

Концепция интертекстуальности может привести к негативному восприятию творчества: все «новые» произведения растворяются в прошедшем культурном опыте (цитатах, источниках) и, таким образом, лишены уникальности, неповторимости и подлинной новизны. Однако, по справедливому замечанию Барта, интертекст не просто совокупность цитат различных авторов. Из цитаций (дискурсов) и состоит вся культура, в атмосферу которой независимо от своей воли погружен любой человек. Автор, даже если он не читал ни одной книги в своей жизни, находится в окружении различных дискурсов (социологических – этнических, бытовых, научных, идеологических и т.д.), под влиянием которых создается новое произведение, текст. Само произведение становится пересечением различных дискурсов, культурных смыслов и видов письма (письма самого автора, письма персонажа, получателя). Это и делает текст индивидуальным, действительно новым. Писателю только кажется, что творит он сам, на самом же деле сама культура – язык – творит посредством писателя, используя его как свое орудие.

Автор/Скриптор существует в момент написания произведения. Как только работа заканчивается, автор растворяется в написанном им тексте, то есть «умирает».

В момент «смерти автора», по мнению Барта, рождается читатель (слушатель). Классическая литература и философия не обращали внимания на «читателя», так как для них был важен тот, кто пишет. Барт же видел основную цель современной литературы в том, чтобы превратить читателя из потребителя в производителя текста. Читатель в отличие от Автора/Скриптора наделен более значительной функцией – смыслопорождения. Смыслы рождаются не до и не во время написания произведения, а в акте чтения. Читатель должен вскрыть в произведении то, что «сказалось» в произведении, даже независимо от воли автора. Он должен попытаться вскрыть в произведении культурные коды – «осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже» [3, с. 66]. Читатель – это точка, где фокусируется вся множественность цитат, ссылок, дискурсов, смыслов, из которых складывается произведение. Читатель распутывает «клубок» цитаций в произведении и обнаруживает все новые и новые смыслы (каждое прочтение влечет открытие нового смысла). В результате рождается «Текст», лишенный в отличие от «произведения» целостности, окончательной завершенности и однозначного значения. Текст многомерен, достичь смыслового дна невозможно.

М. Фуко, как и Р. Барт, пересматривает значения понятий «текст», «автор», «письмо», исследует отношение текста к автору [7]. Основное назначение: автора – классификация текстов. Он группирует и приводит их в определенное соотношение: позволяет отделить и определить тексты одного автора от других текстов. Автор, по мнению Фуко, находится «на границе» текстов, «в разрывах» между текстами, «устанавливающими определенную группу дискурсов». Автор – это функциональный принцип, характеризующий способ существования, движения различных дискурсов [Там же, с. 22]. Однако «функция – автор» в наше время применима, по мнению Фуко, только к сфере литературы (так как читателя и критика до сих пор волнует, кто написал, когда, при каких обстоятельствах). Иная же ситуация прослеживается в современной науке (научных дискурсах): открытая теорема или любая открытая истина остаются практически всегда анонимными, являются достоянием многих. Здесь наблюдается стирание «функции – автор», происходит «смерть автора»: стираются индивидуальные черты пишущего субъекта – автора.

Поскольку Автор – это всего лишь дискурсивная функция, представление его как отдельного, самостоятельного индивида, творца текста будет ошибкой. Фуко, как и Барт, предполагает, что ничего не существует вне текста, и любой субъект или автор неизбежно находится внутри текста, через который говорит сам язык.

То, что раньше вкладывали в понятие «Автор», есть просто проекция обработок, которой подвергаются тексты-произведения. Письмо, по мнению Фуко, является самодостаточным, отсылает лишь к себе самому себе, однако может соотноситься со своим внешним выражением. Письмо – это игра знаков: «письмо беспрестанно преступает и переворачивает регулярность, которую оно принимает и которой оно играет» [Там же].

«Функция – автор» не отсылает к некоему реальному субъекту, напротив, она может отсылать одновременно ко многим субъектам, нескольким *Ego*. Я, которое говорит в предисловии научного трактата и которое доказывает теорию, не тождественно ни по своей позиции, ни по своему функционированию. В одном случае *Ego* отсылает к некоторому незаместимому индивиду, который в определенном месте и в определенное время выполнил некоторую работу; во втором – *Ego* обозначает план и момент доказательства, занять которые может любой субъект. Таким образом, функция – автор действует в дискурсах таким образом, что может отсылать к нескольким «симультанному Я». Получается, что в письме, тексте автор, субъект не является чем-то конкретным, целостным, устойчивым, он растворяется, рассеивается в виде множественности «Я» [Там же, с. 28–30].

«Функция – автор», по Фуко, есть частный случай «функции – субъекта», а значит, как и автор, не имеет устойчивого и определенного основания (субъект также выполняет функцию движения дискурсов). Субъект растворяется в поле дискурсов. Все дискурсы разворачиваются, таким образом, в «анонимности шепота», уже не важно, кто говорит, что он выражает; важно лишь установить, каковы способы существования этого дискурса, откуда он был произнесен, кто может его себе присваивать и т.д. Автор, субъект должны стереться или быть стерты в пользу форм, свойственных дискурсам [Там же, с. 42].

Барт и Фуко исследовали проблему «смерти автора» как одну из возможных проблем «смерти субъекта». В своих концепциях они расширили границы анализа текста, письма. Впервые обратили внимание на активную роль читателя, его независимость от автора произведения в плане интерпретации и поиска смыслов. Отметили подвижность текста, его смысловую неисчерпаемость. Вместе с тем Фуко, Барт переосмыслили классическое понимание автора, субъекта, лишили их какой-либо определенности, самодостаточности, устойчивости. Подчинили субъект языковой, знаковой реальности (ничто не существует вне текста), лишили его самостоятельности. Практически свели автора, субъекта к чисто функциональной роли: субъект как функция движения дискурсов, растворяется в этих дискурсах, исчезает.

Итак, мы видим, как постепенно язык (текст) начинает претендовать на роль исходной философской реальности. Раньше основная оппозиция в философии была оппозицией сознания и материи (субъекта и объекта). После Гумбольдта эта дихотомия была разрушена путем введения третьего компонента – языка. В современной науке основная оппозиция не «мышление – реальность», а «автор – интерпретатор», то есть «мышление – текст (язык)». И даже уже – «интерпретатор – текст». Основной вопрос философии приобретает вид вопроса о том, что первично – текст или смыслы (значения) в сознании субъектов. Как вариант основного вопроса философии – проблема, могут ли смыслы в сознании интерпретатора рассматриваться как независимые от смыслов в сознании автора. Текст с бесконечным количеством его интерпретаций приобретает безграничное господство.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–392.
3. Барт Р. S/Z. М.: Академический проект, 2009. 373 с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Иностранная литература, 1960. Вып. 1. С. 264–389.
6. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–51.
7. Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 7–47.

“AUTHOR DEATH” IDEA DEVELOPMENT

Natal'ya Irikovna Beresneva, Doctor in Philosophy, Associate Professor

Elena Andreevna Kokareva

Department of Philosophy

Perm' State National Research University

beresnevv@mail.ru; malheureu@mail.ru

The authors consider “author death” idea evolution, beginning with the theory of W. von Humboldt. If initially the main opposition in philosophy was the opposition of consciousness and matter (subject and object), after Humboldt the third component – language – was introduced into the classical dichotomy “thinking – reality”. Today the main opposition is the opposition of author and interpreter (thinking) to text (language) or even “interpreter – text”. The center of gravity in philosophical researches moves from the world as such to text that is self-sufficient and endowed with substantiality.

Key words and phrases: consciousness; reality; language; text; intertext; writing; connotative meaning; subject; author; scriptor; reader (interpreter); subject death; author death.